

Елена Немых

Последняя любовь

18+

Елена Немых

Последняя любовь

«Автор»

2026

Немых Е.

Последняя любовь / Е. Немых — «Автор», 2026

Что такое последняя любовь? Кто даст ответ? И как мы поймем при встрече, что это чувство последнее в жизни? Ведь иногда нужно просто согреть свое сердце в чужих руках. "Голос шепчет в голове, что любовь ушла навеки и не бьется птенчик в клетке, запертый в моей груди, крылья красные сложил, и во сне трепещут веки, не поет, не дышит, спит, прочирикав: «уйди» И опять стоит Ассоль в ожидании «Секрета» И опять любовь стучит в дверь и не дает ответа Чтобы посмотрев мой фильм, ты вздохнул опять украдкой, нашу встречу отменив, в сердце дырку заменив заплаткой, Залатав дыру в душе, ты зажмешь птенца руками, застучит он клювом вновь, испугаемся мы сами! И за тех, кто рядом есть, и за тех, кто будет дальше. Ты напишешь на листке: «Милая, не надо фальши!» Серия рассказов, объединенная темой последнего чувства в жизни героев, посвящена странам БРИКС.

© Немых Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17

Елена Немых

Последняя любовь

Глава 1

Когда вынесли торт с 60-ю свечами индийский ресторан замер. Кирилл Михайлович Самарин набрал воздуха в легкие и дунул. Свечки погасли. Посетители ресторана зааплодировали, а официанты в национальных костюмах и фесках на головах дружно запели на хинди: «Тum Jiyo Nazaron Saal», что означало: «Ты живи тысячи лет!» Самарин почувствовала себя почти счастливым и покосился на бронзовую фигурку Лакшми на столе. Он привез ее из индийской поездки, когда впервые поехал за границу. С тех пор бронзовые ручки индийской богини удачи и лотос у ее ног стали для него талисманом и действительно принесли благополучие в его нелегкую жизнь. В детстве Самарин жил в центре Москвы, на Арбате, в большой коммунальной квартире в одной комнате вместе с мамой. Что такое личное пространство он не знал. Мама Любовь Ивановна Самарина работала в библиотеке и воспитывала его одна, без отца. Она все время вмешивалась в жизнь, лишила детского сада, потому что считала болезненным. Позже она стала контролировать школу. Самарина уходила на работу на полдня, в вторую половину своей смены отработывала дома: она реставрировала книги. Запах книжного клея пропитал все пространство их комнатухи, но зато маленький Кирилл уже в детстве прикоснулся к артефактам и почувствовал их живую сущность. Книги дышали, вздыхали, шуршали листками, пытаясь ему что-то сказать.

— Скажите, а гости когда подойдут? И резать ли торт сейчас? — официант прервал воспоминания Самарина о матери.

Ровно 20 пустых стульев стояли у стола, именно на такое количество персон Кирилл Михайлович заказал столик в ресторане «Дели» на свой юбилей. Он откашлялся и твердо произнес:

— Вы знаете, каждый из них, поздравил меня с днем рождения, но по определённой и уважительной причине не смог присутствовать лично.

Официант смотрел на него пристально и недоуменно.

— Но я думаю, мы продолжим в другой день у меня дома, и всю оставшуюся еду и алкоголь мне надо завернуть с собой. Вас как зовут, друг мой?

— Андрей.

Официант улыбнулся, клиент перестал казаться странным:

— Вы когда собираетесь домой?

— Да, прямо сейчас... Так вот, Андрей, упакуй мне все поскорей!

Официант кинул, ловко подхватил торт и потащил его обратно на кухню, откуда очень скоро выбежали его коллеги и стали дружно укладывать закуску в пластиковые боксы. Еще через пять минут Самарин сидел с кучей пакетов в такси. Когда он открыл свой лофт на Арбате, наступили сумерки. В квартире, бывшей коммуналке, которую Кирилл Михайлович привёл в порядок, висел серый свет, отражающийся от белых, шероховатых стен. Квартира сияла чистотой, каждая вещь в ней стояла на своем месте и на них даже пыль не лежала. Лакшми то же заняла свое почетное место на полочке у окна. Самарин считал себя аккуратистом, и уборщица Анна, найденная им случайно по объявлению, которое он когда-то наклеил на двери своей античной лавки, знала его вкусы и всегда, протерев все многочисленные вещицы от пыли, ставила их точно на место, ни миллиметра вправо или влево. Она уби-
ралась и в его офисе, и дома. Кирилл Михайлович долго дрессировал приходящую прислугу,

замеряя расстояние до точки, где стояли его антикварные вещи, линейкой. Аня по началу дулась, краснела, но, видимо, отчаянно нуждалась в работе и не сбежала. С пылью Самарин боролся неслучайно. Когда он поступил в Институт культуры, на библиотечный факультет, Любовь Ивановна попала в больницу с саркомой лёгких и скончалась. Она много лет не обращала внимание на свой хронический кашель, и все время приговаривала: «В библиотеке так пыльно». Кирилл Самарин остался совсем один. Ему не хотелось бросать институт, и он стал подрабатывать. За что он только не брался! Грузил ящики и мешки на вокзале, засыпая на лекциях, разносил газеты, рассовывая их по почтовым ящикам, и опять засыпал. Денег отчаянно не хватало. И однажды, обнаружив рядом с квартирой новую клинику, решил заглянуть и в нее. Реклама на двери загадочно предлагала сдать биоматериалы, какие он сразу не понял. Он зашел и туда, в надежде, что клинике нужны санитары. Как выяснилось, она оказывала услуги по искусственному оплодотворению, позже это назовут модным словом «ЭКО». Шёл 1987 год. Доктор Арутюнян Арам Аванесович провел операцию по подсадке сперматозоида донора в женскую яйцеклетку вслед за первой в СССР и удачной операцией другого врача, решив открыть собственный медицинский кооператив. Их только разрешили. Искусственное оплодотворение обещало стать «золотой жилой», об этом он сообщил ошарашенному студенту, которому предложил сдать биоматериал для опытов. Когда до Кирилла дошло, про какой биоматериал говорил Арутюнян, было поздно. Но Арам Аванесович так убедительно рассказывал о будущих спасенных женщинах, отчаявшихся забеременеть, что он быстро подмахнул все бумаги, практически не глядя в договор. Потом ему всучили журналы с порнографическим картинками и пробирку. Медсестры хихикали, провожая его в отдельный кабинет, а зашедший за ним Арутюнян, произнёс строгим голосом:

— Снимайте штаны, расслабьтесь и представьте, что вы в душе с голой девушкой. Всю сперму аккуратно соберёте в пробирку и сразу заткните пробкой.

— Вы серьёзно? Боюсь, у меня не получится... Я был уверен, что это что-то другое: лимфа там какая-нибудь, уколы, забор ее... Ну, как сдача крови. Но сперма?!

— Не тушуйтесь! Деньги предлагаю хорошие, и сразу из кассы. Думаю, ваша стипендия много ниже (посмотрев на часы). У вас всего час.

Сумму Арам Аванесович предлагал и, в правду, астрономическую. Кирилл мог прожить на нее, строго экономя, почти полгода. И он, покраснев, кивнул. Однако заработанный таким странным образом гонорар за сдачу собственного семени закончился быстро, вернее через месяц. Он думал сходить еще раз, но от одной мысли провести повторно эксперимент с своим либидо, Кирилла бросало в дрожь, и он даже начал подумывать о продаже почки, начитавшись статей в распространяемой им по подписчикам, газете. Новые издания в большом количестве печатали страшные истории про трансплантацию и приличные суммы за почки, печень. Отчаяние охватило его. В этот самый момент ему позвонил Исаакий Семенович. Он числился читателем в библиотеке, где работала мама Кирилла, часто приходил туда, подолгу сидел в читальном зале, рассматривая старинные книжки в богатых переплетах. Даже Кирилл видел его там пару раз. Он пришел и на похороны Любови Ивановны, стоял рядом с гробом, выделяясь среди серых, простоватых коллег Самариной, своим вальяжным, породистым лицом. Его звонок застал Кирилла врасплох, странный читатель библиотеки спрашивал о книге индийского поэта Рабиндраната Тагора. Мать незадолго до смерти забрала ее чинить домой. Кирилл попросил его подождать, и быстро нашел Тагора на обеденном столе. Книга так и лежала там, раскрытая рукой Любови Ивановны и всеми забытая в суе. Самарин с интересом заглянул в нее. Он часто гадал на книгам, открывая случайным образом на произвольной странице, вот и в этот раз, он загадал: «что ждет его после встречи с маминым знакомым?» На желтом листке виднелись буквы, они складывались в слова и Кирилл прочел:

«Друг мой, прощай!

С берега к берегу,

*с отмели к отмели,
ветер весенний, ночной,
принесет тебе вздох от меня»*

Он поразился, мама умерла именно весной, и очевидно прощалась с ним столь странным образом. Именно она звала Кирилла: «Друг мой». Самарин подумал, что это — хороший знак, вернулся к Исаакию Семеновичу, висящему на трубке, и пообещал принести ему нужную книгу. Потом он завернул ее в газету и оправился к нему в гости на Маросейку. Он даже не успел позвонить в дверь, потому что небольшого роста, худой Исаакий Семенович уже стоял в проеме двери своей квартиры, ожидая его. С минуту он рассматривал сына библиотекарши, потом махнул ему рукой, приглашая внутрь. Кирилл шагнул через порог и пропал, а когда очнулся, он уже прощался с Исаакием Семеновичем Бегельфором, именно эту фамилию назвал ему старый мамин знакомый. Из их общения Кирилл запомнил лишь, что он хочет купить у него библиотечную книгу. В самой библиотеке о ней вероятно забыли, и тут он и представился Бегельфором. «Коллекционер Бегельфор хочет приобрести Тагора», — сказал он. Исаакий Семёнович много лет собирал раритетные книги и коллекционировал антикварные вещи. Рассматривая их в его квартире, Кирилл совсем потерялся во времени, и готов был не продать, а просто отдать книгу индийского поэта, только бы приходить сюда вновь и вновь, вдыхать странный запах старых вещей, трогать их, разглядывать. Как признался ему позже коллекционер Бегельфор, его вещи приняли гостя, полюбили и стали проситься к нему в руки. Привычку разговаривать с вещами Самарин перенял у Исаакия Семеновича. Тот говорил с каждой вещью на разные темы: с мраморными слониками о погоде, с фарфоровой лыжницей с курносым лицом о телевизионных передачах, с бронзовым сундучком о здоровье. Лишь с книгами Исаакий Семенович не говорил, он их скорее слушал, а они тихо шуршали ему, каждая о своем. Самарин вздохнул. Он положил всю еду из ресторана «Дели» в холодильник, бутылки с вином поставил на подоконник в подставку, и лег в свою кровать прямо в одежде. Он прислушивался к себе. Лакшми светилась бронзовым ликом у окна, и он решил поговорить с ней серьезно:

— Ну, что? Ты считаешь было ошибкой закатывать пир на весь мир для 20 человек, которых нет и не предвидится?

Лакшми смотрела в даль и молчала.

— А ты что подумала? Что я от тебя что-то скрыл? Утаил друзей и любимых. Эх... Ты же знаешь меня дольше всех... И должна знать, если что-то случится, ты останешься совсем одна... Я про времена, когда меня не будет....

Идея отпраздновать юбилей, эти треклятые шестьдесят лет, пришла к нему всего месяц назад. Кирилл Михайлович терпеть не мог справлять дни рождения, никогда их не праздновал, даже в детстве. Он всегда рос замкнутым ребёнком и категорически отказывался знакомиться ближе и с малышами из детского сада, куда его мать все-таки засунула перед школой, и с одноклассниками, а потом и с однокурсниками. У него не было с ними никаких общих интересов. Ну, то есть, абсолютно. Он приходил домой, нырял в книги и забывал обо всех. Когда врач в поликлинике месяц назад озвучил диагноз, изучив его анализы и проведя исследования пациента на каких-то космических установках, Самарин вздрогнул. Ему, как и матери, объявили страшный приговор: у него неоперабельная саркома лёгких. Врач озвучил неблагоприятный вариант развития событий, и объявил честно, что жить Самарину недолго, и как он довел все до такой стадии?

Самарин вздрогнул от звонка в дверь. И как он забыл? Врач назначил ему уколы от давления и опасности инфаркта, оказывается метастазы могли уколоть и в сердце, и он нанял медсестру Люду проводить процедуры. Она работала с врачом Самарина в поликлинике, и тот сквозь пальцы смотрел на подработки персонала. Кирилл Михайлович открыл дверь, Людочка прошла внутрь, молча распаковала свою медицинскую сумку с множеством ампул и привычным жестом набрала лекарство в шприц. Самарин вздохнул:

— Подождите здесь, я переоденусь в домашнее. (извиняющимся тоном) У меня сегодня праздник. Мне — 60 лет, стукнуло.

— Поздравляю, — без улыбки сказала Люда и застыла со шприцем в руках.

Когда Самарин вышел к ней в синей атласной пижаме, она чуть покраснела, потом ловко задрала ему рукав и воткнула иглу. Так же тихо она исчезла. После инъекции ему захотелось сразу спать, и он опять лег в кровать, кивнув Лакшми и выключив свет. Когда он закрыл глаза, ему почему-то опять вспомнился Исаакий Семенович. На практику Кирилл, все еще студент библиотечного факультета Кулька, так называли Институт культуры между собой «отпрыски науки», устроился в мамину библиотеку. Книгу Рабиндраната Тагора никто не спрашивал, и он стал медленно воровать старые книги для коллекционера Бегельфора. Исаакий Семенович платил хорошо и исправно, и вообще отнесся к нему, как к сыну. Кирилл приходил к нему и просто бродил по квартире с антиквариатом, чувствуя себя неприлично счастливым. Именно тогда он осознал, что любит вещи больше людей. Вещи молчали, оставались преданными до конца и всегда отдавали больше, чем забирали. Самарин понял это, когда сумел заинтересовать коллекционера своим советским значком. Эмблему Олимпиады с «Мишкой», он купил в киоске в Лужниках за 11 копеек во время праздника спорта. Он принес его Бегельфору спустя почти 10 лет после Олимпиады-80, тот долго рассматривал его через лупу и купил за 300 рэ. Курс рубля в связи с деноминацией денег изменился, но даже при точной калькуляции Кирилл заработал на значке почти 36 рублей. Так он понял цену старых вещей, и что такое быть антикваром. Научился цепким глазом вычислять винтажные вещи, быстро определять их цену и стал даже вкладывать в них заработанные деньги. Однажды Исаакий Семенович показал ему газету «Коммерсант», новый рупор нарождающихся в бывшем «совке» бизнесменов. Там опубликовали статью о создании собственных предприятий, так называемых ТОО или ООО. Бегельфор, кивнув на тонкий лист с передовицей, сообщил Кириллу о своем желании открыть собственную антикварную лавку. Кирилла Самарина он пригласил в продавцы. Обучение в институте шло к концу, и Самарин быстро согласился. Он не помнил, как защитил диплом, не помнил, как утряс свое фиктивное пребывание в библиотеке на окраине Москвы, куда его распределили. Он помнил лишь первый день в лавке Бегельфора на Арбате, своего первого клиента, первую зарплату и поездку в Индию. Исаакий Семенович премировал его путешествием за границу. Побывав в Дели, Кирилл понял, что влюблен в индийскую культуру, и особенно в старинные вещи, которые он нашел в огромном количестве на местных блошиных рынках. Бывший студент библиотечного факультета долго скупал всякие индийские безделушки, а потом у какого-то старьевщика нашёл ту самую книгу с русским переводом Рабиндраната Тагора. Он посчитал это знаком с небес, посетил местный буддистский храм, и, увидев бронзовую фигурку Лакшми, влюбился в нее с первого взгляда. С тех пор он с ней не расставался, поверяя ей все свои личные тайны. Довезя книгу до маминей библиотеки, он обманным путем выкрал из стола печать, проштамповал Тагора, наклеил формуляр, проставив старую дату, а потом торжественно сообщил работникам, что случайно нашел книгу индийского поэта дома. Библиотекарша на месте Любовь Ивановна долго охала, рылась в архивах, а потом действительно нашла запись о книге, взятой умершей коллегой. Самарин ничего не сказал Исаакию Семёновичу об операции восстановления доброго имя мамы, зато порадовал его коллекцией из Индии. Вещицы оттуда принесли им удачу, их мгновенно раскупили, а может быть сама Лакшми пролила свет своих рук, принесла благосостояние в их антикварную лавку? Магазинчик на Арбате с названием «Антиквар» процветал, принося солидный доход. Единственная неприятность — через год после его заграничной поездки Исаакий Семенович Бегельфор скончался от инфаркта. На его похоронах тоже народа не наблюдалось, пришли друзья-коллекционеры, кто-то из института истории, где он оказывается когда-то преподавал. Детей у него не было, жен тем более, поминки в его квартире на Маросейке организовал сам Самарин. Когда гости разошлись Кирилл нашел на книжной полке все те книги, которые он когда-то

крал для Бегельфора из библиотеки своей мамы, в том числе Тагора. Он вздохнул, странный поступок коллекционера, которому вовсе не были нужны библиотечные книги, а он просто снабжал бедного студента деньгами, тронул его до глубины души. Он взял опять книгу со стихами индийского поэта в руки, открыл ее на перовой попавшейся странице и загадал про свою будущую жизнь.

На открытой странице он нашел слова:

*«Трава ищет на земле толпы себе подобных;
дерево ищет на небе свое одиночество».*

Кирилл Самарин понял, что он будет одинок. Щедрое завещание Бегельфора отчасти помирило его с действительностью: ему отошла и квартира коллекционера со всеми его вещами, и антикварная лавка, открытая Исаакием Семеновичем на Арбате. Кирилл вернул себе всю свою старую квартиру в коммуналке, откуда его лет пять назад выселяла какая-то коммерческая компания, и ему пришлось снимать комнату для жилья. Он навел справки и узнал, что они выставили ее на продажу. Квартиры Бегельфора с лихвой хватило на ее покупку и ремонт. Кирилл Михайлович перестроил ее под лофт, и теперь до работы в лавку «Антиквар» идти надо было всего 10 минут.

Кирилл Михайлович проснулся от настойчиво звучащего будильника. Просыпался он быстро и собирался тоже, и уже через полчаса он открывал стеклянную, тугую дверь антикварной лавки. Лакшми он всегда брал с собой, по этому первое, что он сделал, поставил статуэтку на подоконник окна и приготовился ждать покупателей. Обычно любители старинных вещей заглядывали ближе к вечеру, но утром и днем забегали и туристы с Арбата. Вот и в этот день он принял за туристку женщину за стеклом. Он не сразу обратил на нее внимание, но она задержалась у столика с книгами, он невольно стал ее рассматривать. На голове ее синел платок, на плечах крепко сидел серый плащ. Для лета она была странно и тепло одета. Кирилл Михайлович мгновенно оценил ее одежду, скалькулировал цену, и хотел уже заняться текущими делами: женщина в нелепом платке — явно не покупательница. Однако она взяла в руки книгу, выставленную на продажу, и стала ее листать. Самарин вздохнул и вышел к ней. Книги, когда-то украденные им в библиотеке Любовь Ивановны с полки Исаакия Семеновича переехали обратно на библиотечные. Он закрыл эти позорные страницы своей жизни, а вот мамину домашнюю библиотеку Самарин в итоге выставил на продажу. Незнакомка листала книгу малоизвестного советского писателя Голявкина «Мой добрый папа». Цену Кирилл Михайлович поставил маленькую, книга по сути не имела никакой ценности, и легко могла быть куплена любимым прохожим Арбата, даже этой скромной женщиной.

— Вы хотели купить эту книгу? — спросил он прямо.

— Думаю. Это — моя любимая книга в детстве, мне ее читала перед сном мама, а потом в юности я прочла ее сама.

— Как вас величать, друг мой?

— Светлана. Я — из Авдеевки, приехала со съёмочной группой, которая меня спасла из-под завалов. Вся наша библиотека оказалась под руинами, в том числе и эта. Вот, только вышла из больницы.

Привычка спрашивать имя собеседника, и называть его: «Друг мой», Самарин перенял от мамы. У Светланы слышался чудовищный малороссийский акцент, и она явно была приезжей.

— Сочувствую... Может вам она не по карману? Заходите на следующей неделе, я сделаю скидку.

Светлана вздохнула, а потом вдруг быстро сняла с себя золотые сережки и кольцо с фианитом. Она протянула все это Самарину и жалостливо спросила:

— А золотом вы интересуетесь?! Этот комплект — старинный, мамин. Мне нужны деньги и я бы продала это...

— У меня — не скупка, а антикварная лавка.

Но Света продолжала заглядывать ему в глаза, Самарин вздохнул, забрал у нее побрякушки и пошел внутрь. Странная женщина в синем платке двинулась за ним, прихватив и книгу о добром отце. Пробу он рассмотрел, серьги действительно — золотые, а вот камушек подкачал, он оказался совсем простеньким и искусственным. Но что же делать с этой несчастной из Авдеевки? Новости Кирилл Михайлович смотрел, и что такое Авдеевка отлично представлял. Он вынул деньги из кассы, отсчитал столько, сколько не жалко и протянул их Свете. Она покраснела:

— Спасибо вам. Я — вообще-то учительница русского языка и литературы, книгу действительно купила бы. Я про писателя Виктора Голявкина. Если хотите, вычтете цену из этой суммы.

Самарин поморщился:

— Не надо! Берите так, я ее вам дарю!

Света кивнула и ретировалась, прижимая к груди книгу. Чем-то она напомнила ему Ниночку. Она в его жизни появилась ровно после смерти Исаакия Семеновича, и когда Кирилл Михайлович почувствовал себя полноправным хозяином лавки. Она так же запорхнула в магазин, то же долго рассматривала вещи, раздражая Самарина своим дешевым плащом и безвкусным шейным платком. Когда он намекнул ей, что собирается на обед, Ниночка вытащила из кармана пепельницу и протянула ее Кириллу. Вещь оказалась серебряной, 30-х годов XX века, с советской атрибутикой. Ниночка просила дать ей хоть сколько-нибудь денег за нее, но Самарин не мог себе позволить такую роскошь, вещь могла оказаться и краденной, и подписал с ней договор, выставив на витрину. Пепельница не продавалась месяц. Ниночка регулярно заходила, они познакомились ближе. Она училась в мединституте, жила в общежитии до приезда из Харькова, и отчаянно нуждалась в деньгах. Самарин не помнил, пепельница продавалась до ее демарша в его кровать, или после, но факт остался фактом: она заползла в его интимную жизнь, и даже в душу, занимаясь уборкой в квартире и в офисе. Причем в отличие от нынешней уборщицы Анны она передвигала вещи с места на место, чем страшно злила хозяина. Однажды Ниночка уронила Лакшми. Это стало последней каплей, и Самарин ее выгнал. Ниночка явилась к нему через три месяца, заявив, что беременна и потребовала денег на будущие роды. Самарин выдал ей «котлету», и она исчезла из его жизни еще на полгода, появившись в этот раз с младенцем в коляске. В этот раз наглая харьковчанка стала просить денег на содержание их общего сына. Как Самарина осенило сделать ДНК-тест, он не помнил, это процедура только стала входить в моду. И он, проведя исследования своей крови, еще раз, с позором выгнал Ниночку вместе с отпрыском. Это был вовсе не его ребенок, он таки заставил ее сделать ДНК — тест своему псевдо-сыну. Тесты категорически не совпали. Ниночка напоследок осыпала его проклятиями, но Самарин вызвал полицию и больше она ему не досаждала.

В лавке зазвонил колокольчик и вошел курьер с тортом. Самарин смотрел на него удивленно:

— Юбилей был вчера.

— А торт заказан на сегодня.

— Кем?

Курьер посмотрел в смартфон:

— Вами.

— Может я забыл? Как вас звать, друг мой?

— Антон.

Черноглазый Анион смотрел на него пристально. Кирилл Михайлович обратил внимание, что последнее время его все разглядывают. Может быть у него из-за болезни изменилось лицо?

— Антон, я не помню, чтобы заказывал торт, но отменять его не буду!

— Оплата на месте, при получении. С вас — 1000.

Кирилл Михайлович открыл кассу и достал деньги:

— Держите!

Курьер забрал деньги, кивнул и вышел, прозвонив еще раз колокольчиком. Самарин открыл торт. На нем кремом вывели цифру: 60. Да, это — его цифра, и как он забыл об этом торте? Видимо метастазы добрались и до мозга. Он пошел на кухню внутри офиса, нашел нож, тарелку, чайную ложку и отрезал себе кусок. По сути он напоминал «наполеон», и лишь щедро разлитый сверху заварной крем, путал едока. Самарин вздохнул. Лакшми молча смотрела, как он поедает торт, он протянул и ей кусочек:

— Хочешь? А, молчишь... Значит не хочешь.

Вечером он закрыл привычно лавку и пошел домой. С недавнего времени он стал прихрамывать, по этому опирался на трость, которую прихватил из магазина. Кирилл Михайлович чувствовал, как болезнь разрастается в нем, набухая черным комом. Когда он дошел до подъезда, он заглянул в почтовый ящик, ожидая увидеть там счет по ЖКХ. Но помимо квитанции по оплате коммунальных услуг, в щели виднелось письмо. От кого же? Неужели опять от Ниночки? Предчувствуя нехорошее, Самарин достал его и рассмотрел адрес: Санкт-Петербург, Родчельская, 10, кв.25. И незнакомое имя: Прохор Лялин. Открыв послание дома, Самарин прочитал его, и письмо выпало из его рук. Оно казалось розыгрышем. На листке убористым почерком Прохор Лялин из Санкт-Петербурга сообщал, что ему недавно исполнилось 18, и он задал своей матери прямой вопрос: кто его отец? Мать долго хранила эту тайну, а потом призналась, что забеременела искусственно. До этого в их семье культивировался образ лётчика, погибшего на испытаниях нового самолета. Даже фото стояло на комодке дома. Выяснялось, что все фото заимствованы у родственницы, а отец Прохора не известен. Друзья видя его удрученное состояние, посоветовали ему сайт поиска родственников по ДНК, он сдал тест и нашел имя Кирилла Михайловича Самарина, с которым совпадение составило почти 99,9%. Система предположила, что он — его отец. Прохор подрабатывал в мобильных сетях и каким-то чудом нашел телефон Самарина из Москвы и его домашний адрес. Лялин просил подтвердить сдачу биоматериала Кириллом Михайловичем, рассказать случалось ли подобное в жизни адресата, а так же просил встречу с биологическим отцом. Метастаза сильно кольнула Самарина в сердце, оно заныло. А может быть его просто добило это письмо? Кирилл Михайлович открыл аптечку, достал валидол, рассосал таблетку. Ему стало лучше, и он пошел на работу, весь день думая только о том, что написал ему 18-летний юноша из Санкт-Петербурга. К вечеру он был почти уверен, что это — ошибка, он сдавал сперму в клинике Арутюняна много раньше. Если бы он действительно родил Прохора 18 лет назад, он бы его усыновил, они с Исаакием Семеновичем уже раскрутились и отлично зарабатывали. Все таки, это — розыгрыш какой-то! Но на следующий день пришло еще письмо, потом еще два, потом целых три. Всего -15. Писали те, кто связался с Прохором Лялиным через чат, узнал, что они — сестры и братья, и что биологический отец у них у всех один: Самарин Кирилл Михайлович. Чтобы понять, а что же все таки происходит Самарин решил найти клинику искусственного оплодотворения, которая назвалась теперь модным словом ЭКО: экстракорпоральное оплодотворение. Она никуда не переезжала, была так же рядом с домом. Дела Арутюняна Арама Аванесевича, судя по недавно отремонтированному зданию, шли неплохо. Клиника ЭКО процветала. Девушка на ресепшене посмотрела на него удивленно:

— Вы — донор? У нас контингент для сдачи биоматериала — до 35 лет.

Она явно не хотела произносить вслух слово «сперма».

— Нет, я по личному вопросу к доктору Арутюняну.

Табличка Арама Аванесевича блестела медью, но дверь в его кабине была плотно закрыта.

— Я когда-то стал донором. Еще в студенчестве. Вот хотел кое-что прояснить!

— Вы сдавали в 90-х?

Девушка смотрела на него с интересом.

— В 87-м, если мне не изменяет память. Нуждался, жил на стипендию, грузил мешки на вокзале.

Девушка оглядела его дорогой костюм, зацепилась глазом за массивную серебряную печать с опалом на правой руке, за трость с бронзовым набалдашником. Вид Самарина ее успокоил, и она встала со своего места, постучалась в дверь и заглянула внутрь кабинета доктора:

— Примите? К вам — посетитель...

Голос из глубины кабинета казался глухим, но раскатистым:

— Приглашайте!

Кирилл Михайлович поднялся с дорогого кожаного дивана, вошел к Арутюняну и сразу обратил внимание на огромный пластиковый плакат на стене. На ней выпукло отсвечивал живот будущей роженицы в разрезе, ее половые органы, яичники, в них вонзался наполненный сперматозоидами микрохирургический манипулятор в виде шприца. Рядом виднелась прозрачная, серая фигура донора с обнаженными семенными протоками. «Действительно, мужчина — лишь тень в жизни женщины», — подумалось Самарину. Арутюнян строго спросил:

— Вы хотели проконсультироваться по поводу вашей супруги? ЭКО мы делаем, но большая запись на год вперед, увы. Так что лучше пойти в другую клинику, если вам срочно.

— Нет. У меня нет супруги.

Кирилл Михайлович загнулся на массивном стуле с кожаным сидением, оперся на палку двумя руками, и, чуть вздохнув, продолжил:

— Вы меня не помните? Я был первым счастливчиком, расставшимся со своим волшебным биоматериалом. Меня зовут Кирилл Самарин. Кирилл Михайлович!

Лицо Арама Авансевича мгновенно преобразилось, он явно обрадовался посетителю:

А! Как же, как же... Припоминаю. Вы были студентом библиотечного факультета Института культуры, последний курс, насколько я помню. Мы с вами еще Рабиндраната Тагора обсуждали.

Память доктора не подвела, он вскочил, достал синюю папку из шкафа рядом, на которой отливали золотые буквы: «Диссертация»:

— Ваш случай я описал в своей диссертации. Вы знаете, что вы стали отцом почти 20 детей? Я думал вам будет интересно, что вы зайдете, поинтересуетесь! Вы же стали моим первым донором по сути, но вы пропали... (он невольно посмотрел на календарь на стене) почти на 30 лет!

— На 38! Я, если честно забыл про это, увлекся антиквариатом, у меня началась другая жизнь. Но совсем недавно мне об этой позорной странице моей биографии напомнили.

Арутюнян нахмурился, видимо слова Самарина задело его за живое:

— Почему позорная? Вы своими сперматозоидами спасли почти 20 женщин. Они родили от вас и успешно воспитывают детей.

Кирилл Михайлович почувствовал, как у него холодеют пальцы:

— 20 или 15? Скажите точнее, а то у меня скоро сердце разорвется от такого наплыва новых родственников.

— 20. 25 подсадов, 20 — успешных родов. А вы что против? Против новой жизни?

Самарин побледнел:

— Даже 25 подсадов? Подсадки — это введение спермы донора в яйцеклетку?

Он махнул на плакат. Арутюнян вскочил, схватил указку и привычно забубнил:

— Сперматозоид донора через специальный микрохирургический инструмент, похожий на шприц, внедряется в яйцеклетку будущей роженицы...

Он хотел продолжить лекцию, но Кирилл Михайлович резко встал:

— Но почему моему сыну, который написал мне письмо с просьбой о встрече, всего 18? Это — какая-то профанация, ведь я участвовал в вашем эксперименте ровно 38 лет назад. У меня могут быть только взрослые дети! А мне пишут 25-летние, 26-летние и так далее?

— Потому что я замораживал вашу сперму, экспериментировал с первым биоматериалом, искал! А вы чем недовольны, уважаемый? Что вас нашли ваши дети?

Арутюнян почти визжал, Кирилл Михайлович перебил его:

— А как же медицинская тайна?

Доктор зло бросил указку на стол, сел, захлопнув диссертацию:

— Судиться хотите? Ничего не выйдет... Я выгнал тогда юриста, и помню, что сам правил первый договор. Там есть пункт, что я могу сообщать рождённым от вас детям и другим родственникам по их требованию любую информацию о вашем донорстве, с указанием вашего имени и возраста. Вы подписывали этот договор. У вас что родные дети против? Стыдятся отца-донора? Молодая жена узнала и выгнала из дома?

— Нет у меня ни детей, ни жены.

— Так чем вы недовольны? И как вас нашли, я никому ваш адрес не сообщал!

— Меня нашли по ДНК-тесту, через какой-то сайт поиска родственников!

— Тогда ко мне какие претензии? Я тесты ДНК не провожу, информацию на сайтах не размещаю!

Он гневно посмотрел на Самарина:

— И, вообще, радовались бы, что хоть на старости лет стали наконец-то отцом. Почти героем! Целых 20 детей! Это — не шутка, а проведение господне.

— Мне написало пока 15. Просят встречи с биологическим отцом.

— Серьёзно? Кто же их них? (махнув рукой) В моей базе есть все, с первой зачавшей от вас до последней! Я вообще переписывался с ними лет двадцать. Первая роженица, как сейчас помню, написала мне, что родила дочку Светочку по-моему. Как она пошла в детский садик, потом в школу. У вас сердце все эти 38 лет не екало? Что где-то живет ваша семья, развивается, растёт...

— А кто она? Хотя... Какая уже разница!

Кирилл Михайлович решительно двинулся к двери. Информация, вываленная на него доктором Арутюняном, осела тяжелым грузом на плечах, придавив его посильнее, чем смертельный диагноз о саркоме, озвученный ему месяц назад в поликлинике. Но Арам Аванесович продолжал его добивать:

— Кто она, та самая первая? Вы не поверите... Она жила в Москве в общежитии, залезла от какого-то прощелыги, по моему — однокурсника, тот сбежал от нее, и она решила на аборт. Когда врачи объявили ей о полной невозможности забеременеть еще раз, она долго рыдала, а потом нашла меня по объявлению, и решила на искусственное зачатие. Мы ее оплодотворили вашим семенем, как раз после защиты диплома, потом она уехала к себе: счастливая и беременная.

— Куда? — совсем в дверях равнодушно спросил Самарин.

Арутюнян подошел быстрым шагом к двери, сделал жест Кириллу Михайловичу «на выход»; и произнес:

— В Авдеевку, на Украину. Она — учительницей числилась по диплому, поехала преподавать и рожать. Я когда смотрю сейчас страшные новости по телевизору про Авдеевку, все время вспоминаю ее, и ее дочь Светочку. Не уверен, что они живы. А она не писала?

Оглушенный новостью Самарин отрицательно покачал головой, и Арутюнян выставил Кирилла Михайловича за дверь окончательно, хлопнув ее перед самым носом. Сказать, что Самарина накрыло с головой тягучая тоска, это — ничего не сказать. Он на ватных ногах прошел мимо секретарши доктора, опираясь на свою палку, дошел до выхода, машинально пере-

двигая ногами, прошел по солнечному, летнему Арбату до своей антикварной лавки, открыл дверь и застыл, уставившись на молчаливую Лакшми:

— Ты почему не дала мне знак, безмозглая ты индийская кукла?! Идиотка бронзовая!

Ты почему промолчала о детях, и о этой Свете, черт бы тебя драл?!

Он почти кричал, но потом опомнился, быстро прошел внутрь, вытащил серьги и кольцо с фианитом, купленные у странной Светы из Авдеевки. Неужели это дочь приехала в Москву, дошла до его античного царства и сдала свои украшения? Почему он ее даже не рассмотрел? Он сел на стул и стал неподвижно смотреть на стеклянную дверь. Так прошел один день, второй, третий. Света не приходила, и письма больше не приходили. Он совсем отчаялся увидеть ее, но когда опять зазвенел колокольчик и вошла эта странная учительница из Авдеевки, он почему-то совсем не удивился. Она опять напялила дешевый плащ и странный платок. Ее лицо, черные брови, сросшиеся на переносице, совсем как у мамы Любы, угольки черных глаз, совсем, как у него, кудрявые, непослушные, рыжие локоны, видимо в мать-учительницу, нервные, тонкие пальцы. Без сомнения, она — его кровь, но почему Света ни в чем не призналась? Очевидно, что посетительница его лавки из Авдеевки появилась в магазине «Антиквар» неслучайно. Кирилл Михайлович с минуту размышлял не признаться ли во всем, но Света молча сняла цепочку со своей шеи, отцепила крестик и смущенно сказала:

— Здравствуйте! Вы меня так выручили прошлый раз. Может быть и цепочку возьмете?

Она — старинная, то же мамина, из серебра (тихо). Крестик я оставляю себе.

Кирилл Михайлович сделал вид, что рассматривает в лупу пробу на серебре, а Света продолжала:

— Прочла книгу, спасибо! Вспомнила маму, она — то же учительница, как и я. Действительно именно ее она читала мне в детстве, а потом я сама прочла.

— Да, вы уже говорили...

Кирилл Михайлович произносил слова сдержанно, тайна прорывалась из него, билась признанием во рту, но почему-то он промолчал, вытащил пачку денег, несусветную сумму за дешевую, ничем непримечательную вещь и пробурчал:

— Хорошая вещица, беру... (через паузу, отдавая деньги Свете) А о чем книга? Признаюсь, я ее даже не открывал. О добром отце?

Голос его дрогнул, а Света, не поднимая глаз, положила деньги в карман и ответила:

— О непростых отношениях отца и дочери.

Кирилл Михайлович посмотрел на нее пристально:

— А у вас были непростые отношения с отцом?

— Вовсе нет... У меня его никогда просто не было.

Они коротко встретились глазами, что-то произошло между ними, еще секунда и все бы прояснилось, но Света вдруг развернулась и пошла на выход, бросив от двери:

— Спасибо вам еще раз за деньги! Пойду.

Она махнула рукой и вышла за дверь. Самарин взял в руки цепочку. Она еще хранила тепло ее шеи, он крутил ее в руках, размышляя, а потом накинул на шею Лакшми и решительно направился к двери. Но нет, не догонять Свету из Авдеевки. Решение к нему пришло очень быстро. Он отправился к нотариусу, чтобы составить завешание. Теперь Кирилл Михайлович Самарин не боялся умирать.

Ровно через год после дня его рождения, в индийском ресторане «Дели» накрыли на стол. Он стоял там же, что и в 60-летие Самарина, только места вокруг него оказались заняты, все — 19. На двадцатый пустой стул сел официант Андрей и, сняв феску, спросил:

— Кто в этом году будет задувать свечи?

Он махнул на стоящий торт с цифрой кремом: 61, и покосился на единственный пустой стул во главе стола, на котором год назад восседал в одиночестве Самарин. Рядом с ним сидела учительница из Авдеевки, Света. Она задумчиво смотрела на 61 свечу и бронзовую статуэтку

Лакшми по соседству. 18-летний парень с кудрявыми черными волосами, чем-то похожий на Кирилла Михайловича в юности, произнес:

— Хотите я задую?

Света махнула на него рукой:

— Молчи, Прохор! Из-за твоего письма вероятно и не стало Кирилла Михайловича, сердце не выдержало новостей.

— Ну, уж... Это же радостные новости, — возразил Прохор Лялин.

— А кто задувал год назад? — спросила медсестра Люда, она сидела чуть дальше от торта.

— Сам Самарин, — ответил официант Андрей и добавил:

— А про задувание свечей на торте, никаких указаний в завещании не было?

— Ничего... Это твоя была инициатива собраться здесь и помянуть папу, — вмешался в разговор курьер Антон.

— Прошлый раз я всучил ему торт от себя, он, правда, заплатил.

Уборщица Аня захлопала носом, ей стало жалко Кирилла Михайловича. Он умер всего полгода назад, и именно она забила тревогу, не достучавшись и не дозвонившись до хозяина, потом к ней присоединилась медсестра Людочка. Они вызвали полицию и взломали дверь, обнаружив Самарина, лежащим на полу с Лакшми в руках.

— Хороший он был человек, меня не обижал, — добавила Анна, которую покойный Кирилл Михайлович гонял по своей квартире с тряпкой в руках.

— Вот и Лакшми подтвердит... Правда?

Все воззрились на индийскую богиню. Света вдруг встала. Она оказалась старшей среди этих, так называемых, братьев и сестер. За столом индийского ресторана «Дели» собрались 20 детей «из пробирки», чтобы помянуть своего биологического отца: Самарина Кирилла Михайловича. Света вздохнула:

— Пусть земля будет пухом! Спасибо ему за все. По моему, он никого не обделил и всех вписал в свое завещание, разделив квартиру и офис... Все вещи из магазина «Антиквар», которые так любил при жизни Кирилл Михайлович, мы должны разделить между собой...

— А кому досталась Лакшми? — спросил дотошный Прохор.

— Я заберу ее себе. Говорят, она приносит удачу!

Света взяла ее в руки, прижала к груди и вдруг то же захлопала носом:

— Простите, мне что-то нехорошо... Я вас наверное покину...

Народ приступил к еде, а Света, подхватив свой плащ из гардероба, тихо вышла из ресторана на свежий воздух. Она шла по Арбату быстрым шагом, слезы душили ее, а в бок стучала книжка. Все тот же Голявкин про отцов и дочерей. Она сунула эту книгу во внутренний карман плаща и совсем о ней забыла. Ей почему стало неприятно, она представила, как опять откроет ее, будет листать, пытаясь вникнуть в суть родственных отношений героев. Книга «Мой добрый папа» нужна была ей лишь, как повод поговорить с отцом, с человеком, которого она никогда не знала и которого смогла рассмотреть только перед его смертью. Сейчас книга жгла ей бок! Света шла все быстрее и быстрее, и вскоре оказалась на Большом каменном мосту. Она остановилась, и ветер растрепал ее кудрявые, рыжие волосы. Слезы капали из ее глаз, но она не могла остановиться. Книжка еще раз больно ударила в бок, она вдруг вытащила ее и начала отчаянно рвать, выдирая страницы. Лакшми мешала ей, а потом и вовсе выскользнула из рук. Света охнула, но случилось непоправимое. Статуэтка медленно, сверкая бронзой в последнем луче солнца, летела в воду, будто в замедленной съемке фильма про чью-то чужую жизнь. Луч вдруг спрятался за тучей. А в момент, когда Лакшми достигла воды Москва-реки, гроыхнуло, сверкнула молния и хлынул проливной, «слепой» дождь, окатив Свету холодной водой с ног до головы. Она стояла под ним, рыдая, не двигаясь с места, и слезы мешались с каплями. В какой-то момент стало непонятно, кто плачет навзрыд по ушедшему из жизни Самарину Кириллу

Михайловичу: его искусственно рождённая дочь или природа? Лакшми с шумом плюхнулась в воду и стала медленно опускаться на дно. Достигнув илистого песка, она мягко закопалась в его черные объятия. Богиня удачи больше не могла никому и ни в чем помочь, закончив свой век. Ибо, как сказала сама богиня при жизни: *«Я всегда живу с теми людьми, которые ведут праведную жизнь, и со мной приходят праведность, истина и сила».*

Глава 2

Глава 2. Черный заяц

Дождь усилился, крупные капли падали в лужу, раздуваясь в прозрачные полушары. Еще и еще... И почему на родине он такого никогда не видел? Край платформы выступал за покатую крышу, и лужа в конце ее просто завораживала. Когда вдруг вышло солнце, ливень не прекратился, и все пузыри в лужице, а их было не счесть, засверкали, отражая радугу. Та нагло пересекла все небо. И он вспомнил вдруг русскую считалочку: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан», и действительно: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый... Радуга переливалась на ярко-синем небосводе, создавая мост над острыми башенками высоток Москвы. Малыш трех лет выбежал из-под навеса и увлеченно стал давить ногой водяные пузыри, не обращая внимания на капли, падающие на него с крыши. Если ливень заставлял кого-то в зарослях пригорода его родного Кейптауна, это означало попасть в грязный водоворот бушующей стихии. Али вспомнил, как однажды чуть не погиб. А здесь....

Он стоял на платформе и вдруг вдали послышался нарастающий, тревожный стук подходящей электрички. И почему они так стучат? В метро вот нет такого накатывающего звука, обволакивающего предчувствием какой-то беды. Прибывающий поезд там просто свистит тонко, предупреждая пассажиров о своем приближении. А тут просто какой-то глашатай какого-то скорого конца. Какого конца? Может, чьей-то кончины? И откуда такие черные ассоциации? Или черные ассоциации лишь у него, черного парня? Парень на платформе посмотрел в хромовую поверхность балки, подпирающей навес железнодорожной платформы. Дождь закончился, но отдельные капельки, залетевшие под навес почти случайно, еще висели россыпью на ее почти зеркальной поверхности. И Али увидел себя: ростом он славился, в свои четырнадцать выглядел на все 18: косая сажень

в плечах, черные, упрямые волосы мелким барашком, карие глаза

с длинными ресницами, чем-то напоминавшие коровьи, видимо из-за выпуклых белков, оттенявших почти черную радужку. И гладкая, просто глянцева, черная кожа. Али любил белую одежду, и она отлично контрастировала с ней: белая бейсболка, белая куртка с большой буквой «К», означавшей родной Кейптаун, белые парусиновые брюки-клеш. Даже футболка на нем была белоснежной, оттеняя цвет его черной кожи. Он оторвал взгляд от своего отражения и почему-то опять подумал о смерти: «Ведь, если изучать статистику прыгнувших под колеса, наверняка же метро обгоняет». Все эти странные мысли крутились в голове у подростка, ассоциации и мысли черного цвета возникли у него неслучайно. Последнее время Али думал о смерти часто. После всего случившегося ему хотелось умереть и родиться заново. Он вздохнул.

Али бы почти не выделялся среди толпы ожидающих электрички на этой обычной московской платформе, если бы не его цвет кожи. Парень был, что называется, «чернее ночи». У себя в ЮАР он бы слился с толпой, а молодой человек его возраста с белой кожей, напротив, ловил бы такие же косые взгляды. Нельзя было сказать, что чернокожий здесь – в новинку. Видимо, негроидная раса сюда появлялась здесь явно нечасто. Его группа, а Али приехал в Москву, столицу России, с учащимися колледжа филологии из Кейптауна, скорее всего гуляла по Красной площади. Цель группы школьников – изучить истоки славянской вязи. Они, наверное, сейчас цокали языком, глядя на собор Василия Блаженного, бегали по брусчатке Васильевского спуска. То, что он сбежит от друзей по колледжу, он знал еще на родине, однако даже родителям не признался, что выбрал летнюю

3-х дневную экскурсию в Россию неслучайно. Папа Али был дипломатом, и когда-то даже работал в Москве, где-то лет четырнадцать назад. Али несколько раз пытался расспросить Малика Демало, так звали отца,

о времени, проведенном в России, но тот всегда мягко уходил от ответа. Мистер Демало также относился к чернокожей расе и с детства внушал сыну гордость за таких же, как он. Впрочем молчала о России и мать Али, Шарлота де Боте, она считалась метиской. Ее мать, родная бабушка Али, Симона де Боте имела французские корни и считалась яркой поклонницей белой расы. Объяснения матери, почему у нее скудные и отрывочные воспоминания России, состояли в том, что она уже тогда считала себя домохозяйкой, жила на две страны, редко посещала Москву. Шарлота предпочитала свою оранжерею в загородном доме пригорода Кейптауна, фитнес – клуб три раза в неделю и бачату по субботам. А потом когда забеременела, решение было и вовсе расстаться с Россией. Впрочем, Али с детства знал, что бабушка Симона не любит Малика, да и внука не привечает. Как она допустила рождение черного, как уголь, мальчика у единственной дочери было непонятно. Симону когда-то в юности обидел черный жених, результатом любви с которым и стала дочь-метиска. Эту историю знали все вокруг. Али дулся на родителей, когда его запикивали к бабушке на выходные, упрямо сидел в наушниках, не снимая, чтобы не слушать бабкины стенания, играл

в компьютерные игры, убивая время. Дом родителей в пригороде Кейптауна сиял стилем модерн, все управлялось с пульта «Умный дом», здесь даже бассейн был, а вот бабушка жила в старом доме, в двухкомнатной квартире. Она не меняла мебель в ней лет тридцать пять, наверное с рождения Шарлоты, и она вся пропахла средством от нафталина. А еще за шкафом, в котором любил прятаться маленький Али, стрекотал сверчок. Он даже имя ему придумал: Владимир, и бабушка не понимала с каким Володей разговаривает черный внук. Она требовала показать мальчика психиатру, удивляясь почему он выбрал русское имя. Объяснить этого Али Демало не мог, и лишь признался, что слышал это имя от отца. Малик, узнав о сверчке Володя, почему-то загрустил, а мальчику уже тогда, в детстве, показалось, что с именем Владимир у отца какая-то неприятная ассоциация. И вот однажды подросток Али залез на бабушкины антресоли и нашел запечатанную коробку с пометкой – «Шарлотино». Внук Симоны искал по ее просьбе какие-то пяльцы для вышивания. И сначала подумал, что они, наверное, в этом старье. Скотч потрескался, крышку кто-то надорвал с одного края. Любопытный Али залез в коробку и мир обвалился под ним.

Там лежало свидетельство о рождении на имя: Алексея Маликовича Орлова на русском языке. Али уже учился в колледжи филологии, изучал русский по настоянию родителей, при этом особенно настаивал отец. Ответ на все вопросы был в этой потрепанной по краям, зеленой бумажке. В графе отец стоял: Малик Демало, в графе «мать» – Ольга Семеновна Орлова, место рождения: Москва, Россия, но больше всего его впечатлила дата: 01.10.2010. Это был День рождения самого Али. Мысли закрутились в его голове волчком. У него есть брат-близнец в России? Он умер в младенчестве, и никто не стал травмировать Али? Или он жив, и отец тайно навещает своего сына? Но когда? Если отец не был в России, как он утверждал, четырнадцать лет? Он врал Али? И в конце концов, его брат – белый или черный? Подросток отогнал дурацкую мысль: представить, что одновременно мог родиться он, черный Али Демало, и белый Алексей Маликович Орлов было бы странно, но почему отец разрешил поменять его фамилию? А мать? Кто такая эта – Ольга Семёновна Орлова? Мать далекого, чернокожего Алексея? В разгар его терзаний вошла бабушка Симона. Увидев свидетельство в руках у Али и

раскрытую коробку с антресолей, она взмахнула руками, села на краешек дивана, помолчала. А потом, глядя в одну точку, сказала:

- Я вряд ли смогу тебя утешить. Ты нашел главную причину, почему я отношусь к тебе, как к чужому.

- И почему?

Али смотрел на бабушку пристально, а она, вздохнув, ответила:

- Моя дочь, Шарлота, не могла забеременеть, у нее был выкидыш за выкидышем. И они решили с Маликом нанять суррогатную мать.

- То есть суррогатную? – Али не верил ушам. – Я что-то читал, но не понял.

- Биологическую мать, которая подсели семя в свою здоровую яйцеклетку и выносит дитя,

- Ее зовут Ольга Орлова? Но почему я записан в виде Алексея

в свидетельстве о рождении, выданным РФ?

Он произнес эти буквы с трудом и отдельно: ЭрЭф.

Бабушка встала с дивана, поджала губы:

- Я обещала твоей матери никому не рассказывать об этом. Суррогатные матери сразу отдают новорожденных в руки новых родителей, и вовсе не регистрируют их рождение, но с этой Ольгой Орловой случилось иначе. Твоим родителям надо было бы найти чернокожую роженицу, или сделать все в Кейптауне, но Малик Демало боялся осуждения в посольстве. Шарлота все 9 месяцев изображала токсикоз, подкладывала подушки под свои платья. Для дипломата подобное вранье сочли бы за нехороший знак: соврёт

в личном, где гарантии, что не предаст и страну?

- И они нашли какую-то белую русскую, согласившуюся стать суррогатной матерью? Но почему же она записала меня на себя?

- Потому что родила двойню и попросила гонорар в двойном размере!

Вот так номер! Новости были оглушающими, воздух просто закипел вокруг, все-таки он был прав с самого начала. У него, Али, есть брат-близнец.

- Его имя Алексей?

- Нет, Владимир. Владимир Маликович. Это русская стерва, записала его и тебя с отчеством Маликович, указав его в отцах. А с дурака Демало получила бумагу об отцовстве, заверенную у нотариуса.

- Его обманули?

- Позже выяснилось, что врач был в доле с этой аферисткой, он знал о рождении близнецов, скрыл это Шарлоты и Малика, подсунув бумагу на подпись о том, что Демало - отец будущих детей, представив это, как обычную формальность.

- И? Как дело обстояло дальше?

- Когда вы родились, Орлова сбежала из клиники при помощи врача, записала двоих детей на себя, указав тебя как Алексея Орлова, и Володю, твоего однояйцового брата как Владимира Орлова, и позвонила мистеру Демало

с новыми условиями оплаты.

- Вот почему я сверчка в твоём шкафу назвал Володя... Видимо слышал это имя от отца, но почему он не взял обоих детей?

- Потому что Шарлота везде растрезвонила, что видела на УЗИ одного сына, вовсе не двух. Скандал был бы сильный, если бы выяснилось, что ты – от суррогатной матери.

- А обратиться в суд, в полицию? Россия, конечно, родина медведей, но и там есть законы.

- Али, хватит мучить меня расспросами, я повторяю, твои родители

не хотели скандалов.

Бабушка забрала свидетельство из рук Али, положила его в коробку, поднялась по стремянке к антресолям:

- И умоляю, не трогай это больше, и не говори родителям, что знаешь, кто твоя настоящая мать, я обещала Шарлоте молчать об этом.

И вот он в Москве, на этой чужой платформе, иностранец среди чужих людей. Он почему-то представил, как жил бы здесь, и тогда она стала бы для него почти родной, привычной. Он пытался осмыслить поступок своих приемных родителей, когда-то выбравших его судьбу. Ну, и правда, чтобы чувствовал чернокожий парень в этой стране бледнолицых? ЮАР стало его настоящей родиной. И ему почему-то захотелось спасти своего брата, раскрыть ему правду о происхождении, показать совсем другую жизнь. Обнаружить Орлову Ольгу Семенову, и ее сына Владимира удалось быстро, благодаря соцсетям. Помогла русская социальная сеть VK. Али увлекался исследованием браузеров и быстро нашел этот русский аналог мировой сети знакомств. Сомнений не осталось, когда он изучил фото разных Ольг Орловых, примерно 35-45 лет. Найти нужную Ольгу не составило труда. Ольга Семеновна Орлова запечатлела себя с черным сыном, которому стукнуло три и четырнадцать, типа «прошло 11 лет». И имя указала: Володя Орлов. С фотографии на Али смотрел он сам. В соцсетях был указан телефон, место жительства. Им оказалась станция Чапаевка, поселок при ней. Али Демало полез на страничку аккаунта Владимира Орлова, изучил ее. Черный русский «запостил» номер своей школы. Там брат-близнец учился в 8-м классе, номер школы 68 по адресу: Чапаевка, улица Коммноров, 10 он нашел без труда. Изучая страницу Ольги Орловой в VK, Али нашел и ее место работы: кафе – закусочная при Доме отдыха в соседнем с Чапаевкой Полушкино. Али даже маршрут просчитал, представляя, как она ездит каждый день с утра до своего кафе. Идея организовать поездку своего филологического колледжа в Россию возникла моментально, и

Али убедил директора своей школы собрать группу школьников. Он ничего не сказал своим родичам. И даже ничего не стал спрашивать про найденное свидетельство, но в отце он вдруг стал замечать какую-то неуверенность, мягкотелость что ли, а в матери - отсутствие душевности. Будто какая-то ниточка оборвалась с ними, и он страстно возжелал увидеть свою настоящую мать. Ему даже свое увлечение русским языком казалось теперь неслучайным. За день до своего вылета в Москву, он все же не удержался и спросил прямо:

- Отец, а почему ты хотел, чтобы я учил русский?

Он сделал акцент на «ты», но вопрос показался странным его родителям - матери Али, Шарлоте де Боте, отцу, Малику Демало. Лишь бабушка Симона сочувственно и понимающе смотрела на подростка. Отец сидел на диване, читая свежую прессу, но отложил газету, которую читал, сложил ее медленно. Лицо его выдавало крайнее замешательство:

- Ты? Ты спрашиваешь так, как будто кто-то еще был заинтересован увлечь тебя русским языком, «великим и могучим», как называют его сами русские?

- Ну, мне было всегда все равно, - заметила Шарлотта, сидевшая на кресле рядом, и Али отметил про себя, что замечание, зная предысторию, выглядело крайне бестактно.

По короткому взгляду Малика на жену, Али понял, что догадка его верна, и чтобы нарушить неловкую паузу, быстро сказал:

- Да, ладно! Я сам хотел изучать русский язык, потому что в три года, ты мне показал мультфильм «Ну, погоди», и мне хотелось понять, о чем поет Заяц с Волком на новогодней елке... А еще, этот сверчок Володя в шкафу

у бабушки, я тоже где-то слышал это им.

Отец покосился на сына, хотел что-то добавить, но опять вмешалась Шарлота:

- Ах, да, Малик притащил целую коллекцию дисков из России, чтобы не забыть русский язык, он все еще думал вернуться.

Мать Али выпила глоток красного вина из бокала на тонкой ножке. Она рассматривала мужа в упор, и Али просто почувствовал напряжение между ними, какой-то неразрешенный вопрос. Может быть они хотели забрать его брата Володю в ЮАР? И почему они все-таки разлучили близнецов? Разве это было правильно? Малик встал с дивана, подошел к столу, налил себе вина из бутылки, тоже выпил. А потом коротко взглянув на жену, заметил:

- Я хотел. Но... Не имел возможности. А потом возможность появилась. Но ушло желание. Такой ответ ты примешь?

Было видно, что он тщательно подбирал слова.

- Желание уходит, когда, как раз нет возможности, у меня всегда это так,

а у тебя вот – наоборот, - в тоне Шарлоты чувствовался надрыв.

Али понял, что они говорят о каком-то своем скрытом конфликте. Из-за стены, возникшей между ним и родителями, Али почему-то не хотелось вникать в подоплёку их внутреннего спора. И все из-за этого найденного свидетельства о рождении на имя Алексея Орлова, гражданина далекой России. Он встал из за стола:

- Пойду мультик найду. «Ну, погоди»! Освежу детские воспоминания.

- Все диски в коробке над камином в гостиной, - заметил отец, сел за стол, чтобы съесть поставленный женой сыр. Али схватил себе тоже кусочек

с сырной тарелки, вышел, плотно прикрыв дверь. А когда нашел мультик, сел на свой диванчик в детской и приготовился смотреть диск на старом плеере про который забыл, то увидел сквозь стеклянную дверь, ведущую в гостиную, что родители о чем-то спорили. Да и бабушка Симона вставляла отдельные реплики. Может быть она увещевала их признаться во всем сыну?

Малыш, который давил пузыри в луже на платформе вдруг расплакался. Когда-то и Али был таким же малышом, знали ли он русские слова тогда? Али опять вспомнил сцену ссоры своих родителей, увиденных им через стеклянную дверь гостиной, когда он пересматривал русский мультфильм «Ну, погоди!». Наверняка этот трехлетний малыш сейчас любит этого Волка и этого Зайца. В гостинице Али быстро разобрался с картами, расписанием и придумал, как улизнуть, не поднимая паники в их тургруппе. Он ждал два дня, отложив встречу с новыми родственниками до последнего. Повод улизнуть был им также придуман: «надо встретиться с посольским работником, Вилли Смитом, другом отца и помощником посла ЮАР

в России». Руководителю группы это показалось веским аргументом. Али даже сверток в пергаментной бумаге, перевязанный бечевкой, продемонстрировал. И ...был отпущен. Свисток подходящей электрички отвлек Али от мыслей о ловком вранье, и он вошел в незнакомое ему пространство. Русская электричка не напоминала ему двухэтажные элегантные гиганты, шуршащие по его родной столице, однако парень почему-то в этот миг почувствовал себя русским Алешей Орловым, решившим навестить матушку, живущую в пригороде Москвы. Он с интересом рассматривал граффити на бетонных стенах бесконечных заборов вдоль железнодорожного полотна, по которому тащился поезд, пытаясь понять что же там написано. Удивленно отметил непрерывающуюся стройку в самой Москве, как будто столица России восстанавливалась после какой – то бомбежки. В миг восхитился группой небоскребов, величественно выплывших из-за поворота. А когда поискал в интернете, понял, что символом современной русской столицы является вовсе не Кремль, где гуляли его одноклассники, а именно этот стеклянный каскад зданий Москвы-Сити. Он оглядел публику в салоне, ее было немного, и каждый был занят своим делом: читал книгу, тупил в смартфон, смотрел в окно. На плазме стены электрички вспыхивал какой-то рекламный лозунг, призывая: «Любить по-русски», «Мечтать по-русски», и Али подумал вдруг: «А можно ли ненавидеть по-русски»? Или по-африкански, и чем ненависть или любовь жителя Кейптауна отличается от чувств русского мегаполиса? Он задумался, ненавидит или любит он свою биологическую мать? А брата-близнеца? Он вздохнул, пока он только мечтал увидеть их. Поезд, тонко присвистнув, влетел в зеленые объятия Подмосковья. Буйство леса сразу выдавал пригород, и Али, Алеша, как он себя сам стал называть, услышал эти странные, такие милые русские названия станций: Перхушково, Дачное, Голицыно, Сушкинская, Петелино. Али произносил названия вслух, и слова катались, как леденцы во рту, доставляя удовольствие. Черный парень даже засмеялся от удовольствия произносить русские названия станций вслух. До Чапаевки было всего четыре оста-

новки, а это одну, не доезжая до этого Полушкино. Али смаковал каждый слог. Он чуть не проехал, так как заслушался объявлением, журчащим из динамиков вагона: «Осторожно, двери закрываются, следующая станция Полушкино». Али успел выскочить из вагона на платформу Чапаевка через автоматическую дверь, и резиновый ее край прищемил белую куртку, оставив черный росчерк на ткани, как будто дав на прощание автограф. Здесь где-то находилась школа Володи Орлова. Чернокожий парень быстро остался один на платформе, потому что народ побежал, кто куда в разные стороны: кто-то спешил на пригородный автобус, кто-то тут же нырнул в переход.

- Вы что-то потеряли? – учтиво спросила женщина в серой юбке и пиджаке и с серой же шапочкой на голове, на которой краснела кокарда со скрещенными молоточками.

Али понял, что она – служащая местного вокзала.

- Я хотел узнать, где тут местная школа, - задал он вопрос, надеясь узнать адрес Володино учебного заведения.

Акцент чувствовался в его речи, дежурная по вокзалу нахмурилась, посмотрела на него подозрительно:

- Иностранец? И откуда?

Об этом Али не размышлял заранее. Оказывается, чтобы найти мать, ему придется признаться всем подряд, кто он. И он решил не спешить

с признаниями:

- Я из ЮАР, приехал с группой школьников изучать русский язык, я знаю, что где-то здесь в Чапаевке есть школа N 68. Это – наши партнеры по культурному обмену.

Али врал самозабвенно:

- Мне нужно местной школе письмо от нашего колледжа передать, но не знаю, как найти их!

- Тогда тебе на ту сторону, - махнула дежурная в сторону зданий на другой стороне платформы. - Пройдешь вверх на мост, вторая лестница вниз, как раз к школе выйдешь. N 68. Средняя образовательная поселка Чапаевка. Это - желтое двухэтажное здание. У меня там сын учился, но уже в армии...

Али кивнул и пошел, тетка в юбке крикнула ему в спину:

- А спасибо где? У нас в России принято «спасибо» говорить.

- Спасибо, - крикнул чернокожий гость и быстро побежал вверх.

Али не надеялся в школе узнать адрес матери Володи Орлова. Впрочем, почему только Володи, его Алексея матери, он просто никак не мог свыкнуться с этой мыслью. Однако он хотел все же дойти до школы брата-близнеца. Вдруг что-то удастся узнать? То, что он на пра-

вильном пути, подтвердила бабуся в платочке, сидевшая на табуретке у железнодорожной лестницы и торгующая квашенной капустой.

- Кому капусты квашеной? С маслицем! С лучком! С картошечкой хорошо пойдет! – завывала она весь перрон.

Ее на миг заглушил грохот колес подходящего состава, но голос опять прорезался сквозь свисток уходящей электрички.

- А кому..., - она вдруг заткнулась, увидев черного парня в белой куртке и штанах. - Батюшки, не признала тебя, Вова. Чей-то ты вырядился сегодня, как на свадьбу? Мать как? Хотела вам капусты вчера занести, да всю разобрали...

- Спасибо, хорошо, но не надо, - ответил Али, смущаясь.

Получилось не «хорошо», а «корошо», и это совсем было нехорошо, потому что бабка сразу подозрительно воззрилась на него:

- Ты че? Совсем в своей школе заучился? Слова коверкаешь, чистый иностранец. Ладно подожди, наложу тебе в пакет своей продукции. И Олечке кланяйся от меня!

Али решил не сопротивляться русскому гостеприимству, взял послушно пакет с капустой, который моментально на половину наполнился мутным рассолом, и, да, нужно поблагодарить в соответствии с русскими традициями:

- Спасибо!

Черный парень побоялся спросить у бабки адрес Али, она бы его окончательно рассекретила, решил придумать по ходу, узнать в школе Володи Орлова. Али шел по улице этой Чапаевки и взгляды прохожих казались ему приветливыми, кто-то и вовсе здоровался. Разочаровывать их рассказами

о том, что он вовсе не Володя Орлов, а Алексей, не хотелось. Может быть что-то в школе удастся узнать? Охранник в школе также – само гостеприимство:

- Привет, Орлов. Чего пришел? По школе соскучился? И чего вырядился? Праздник какой?

- Дневник в классе забыл, - опять соврал Али, он старался говорить медленнее, чтобы акцент не так слышался.

- Где это? На каком уроке?

- Русский, химия или физика....

- Ну, от всех кабинетов не дам ключи, а один ключ держи: кабинет русского языка и литературы. Может повезет и найдешь? Остальные закрыты, там стены красят... Спешат, чтобы в ваши каникулы успеть.

Чернокожий посетитель кивнул, подхватил ключи, пошел в кабинет, перескакивая лестничные пролеты. Ему не терпелось посмотреть, где учится брат, вообще почувствовать его жизнь, примерить ее на себя, как новую одежду. Дверь от кабинета русского языка и литературы закрипела, и парень попал в пустой класс, на доске забыли стереть запись: «Два брата. М.Ю.Лермонтов», дальше шел собственно стих, о том, что Лермонтов- известный русский поэт Али знал прекрасно. Строки взволновали его:

«Ах, брат! Ах, брат!

Стыдись, мой брат!

Обеты теплые с мольбами,

Забыл ли?

Год тому назад.

Мы были нежными друзьями....»

Он полез в смартфон, сфотографировал, поискал в интернете, нашел стих полностью. Почитал и про Лермонтова. В их кейптаунском колледже они изучали в основном Пушкина, но и с Лермонтовым познакомились. Только вот этого стиха про братьев он не знал. И, да, вот же он! Висит на стене

в своем красивом мундире, с характерными усиками рядом с узнаваемым

русским поэтом в бакенбардах. Али Демало сел на первую парту, представил себя Алексеем Орловым и будто услышал шёпот за спиной: «*Что нужно этому черномазому?*». Они их почувствовал, и не то, что в классе учились расисты, просто обычные русопятые, белые пацаны. Он вспомнил дежурную по вокзалу с ее рассказом про сына в армии и представил, как призывают его. И опять оглядки, насмешки, травля. Нелегко наверное живется его чернокожему брату Володе в России. А может он выдумал все? И брат-близнец Орлов живет припеваючи, у него куча друзей, может и девушка есть. Надо было все-таки найти биологическую маму Ольгу Орлову и ее сына, его брата, узнать все лично. Мимо охранника школы он прошмыгнул почти незаметно, бросив:

- Не нашел!

- Ну, - охранник развел руками. - Маме передавай привет!

- Хорошо!

Ничего, чтобы вызнать адрес в школе не придумывалось, Али залез еще раз в соцленту VK, поискал, а потом вдруг нажал на точку с местом работы Ольги. Интернетный браузер в России вдруг выплюнул точный адрес кафе, где работал Орлов: «Рузский район, Московская область, Дом отдыха Полушкино, улица Дома отдыха Полушкино,10». Найти кафе при Доме отдыха не составляло труда, и, завидев пытящую электричку на перроне, Али прибавил шаг. Он еле успел войти, как дверь со стеклом по середине, щелкнула за его спиной, поезд тронулся. Ехать было не больше пяти минут, и Али совсем забыл про билет. Он двинулся внутрь вагона,

когда увидел двух контролеров с черными сканерами в руках. Они явно проверяли посадочные талоны пассажиров. А когда один из них обернулся, то стало вдруг понятно: это женщина в фирменных брюках. Ее короткий бобрик, высокий рост и широкие плечи переносили ее в разряд молодежавших мужчин, однако пухлый рот, накрашенные глаза и подведенные брови делали контролера все же женщиной. Она наметанным глазом оценила короткое движение Али

в сторону тамбура, а потом вдруг пошла к нему, бросив проверку билетов:

- Молодой человек! Ваш проездной! Или...разовый!

Черный парень сделал вид, что не расслышал, дернул резиновую ручку вправо, просочился в образовавшуюся щель вагонной двери, шагнул к стеклу междвагонной ширмы, быстро нажал на кнопку, с нетерпением ожидая открытия прохода в другой вагон, но в это время мужеподобная женщина заголосила, устремляясь к Али:

- Заяц! Стой!

- Черный?!- крикнул ее напарник.

- Черный заяц!!!- завизжала контролерша, врываясь в тамбур и пытаясь схватить Али за белый рукав его фирменной куртки. Ей вторил партнер по ловле безбилетников. Их многоголосный крик: «Черный заяц!!!» забулькал сзади, когда дверь между вагонами все-таки отсекала контролеров, а Али побежал по следующему вагону. Он чувствовал почти Зайцем из любимого мультфильма «Ну, погоди!», очень русским при этом, и сэкономленные 50 рублей за проезд, не могли сравниться с чувством восторга и гордости за то, что он решился быть этим «черным зайцем». А может быть он – Волк, по –моему Заяц был все-таки положительным персонажем, и без билета не ездил!

Добежав до конца состава, он увидел, что поезд приближается к станции Полушкино. Голос в динамике закрипел, двери в последнем тамбуре электрички открылись и он выскочил на нужную платформу. Он побежал по ней к лестнице, ведущей вниз, увидев, как два контролёра грозят ему кулаками из-за стекла. Поезд тронулся, и Али рассмеялся: ему удалось проехать зайцем!

Тропинка петляла от платформы, где он вышел. Он шел, разглядывая деревья, таких не росли в ЮАР. Вход в парк показался минут через пятнадцать, на табличке у столба значилось: «Дом отдыха Полушкино», внутри висела деревянная стрелка-указатель: «Кафе Дома отдыха Полушкино». Нельзя сказать, что Али не волновался, он предвкушал встречу с родной матерью, братом-близнецом, сердце его заколотилось сильнее, чем ближе он приближался к нужной точке. Судя по социальным сетям, Ольга Семеновна Орлова работала где-то в кафе на территории парка, Али открыл последнее фото матери с братом, сравнил стеклянную веранду, очевидно, что он пришел в нужное место. Али Демало надел черные очки, вошел внутрь кафе, увидел очередь к кассе и встал в очередь за пирожками. Он внимательно вглядывался вперед, ожидая увидеть своего брата-близнеца. Но черного официанта нигде не было видно, а может быть, он и не официант вовсе? Судя по фото, которое он нашел три месяца назад в его аккаунте, Володя Орлов работал с матерью вместе, но кем? И кем работала мать, Ольга Орлова? Али подошел к стойке и увидел кассиршу, только что заступившую на смену.

- Слушай, потом разберёмся, сколько в кассе. Ты примерную сумму скажи, - подошедшая в кафе женщина деловито уткнулась в кнопки кассы.

- Примерно тысяча тридцать, - ответил ей паренек в фирменной футболке кафе Полушкино, он снял свой фартук и пошел внутрь кухни.

Али взгляделся в кассиршу, заволновался. Безусловно это была она, Ольга Орлова!

Небольшого роста, светлые волосы уже с сединой выбивались из-под фирменного черного платка, серые, несчастные глаза, складки у рта делали ее лицо скорбным.

- Вы что хотели? – Ольга смотрела на него прямо.

Меню в черных очках было не разглядеть, Али снял их, наклонился, выбирая. Когда он выпрямился, Орлова просто пожирала его глазами, разглядывая его модную куртку, штаны, кепку, вглядываясь в его черты. О кассе она забыла.

- Капучино и круассан, - попросил Али.

- Володя, Володя.... Володя, - прошептала женщина. -Ты... Что за маскарад?

И в этот драматичный момент с кухни показался Володя. Он вышел из глубины с подносом, на котором стоял чей-то заказ и застыл, глядя на Али. Ольга обернулась, увидела сына Владимира с подносом, еще раз взглянула на Али и грохнулась в обморок. А черный официант Володя сначала бросился к ней, а потом прямо посмотрел на Али. Народ вокруг замер.

- Вы че, ребят? Прикалываетесь? Участвуете в конкурсе близнецов и взяли первый приз? И чего вам в Африке не сидится? – реакция обычного конопатого парня с курносым носом из очереди к кассе казалась ожидаемой. Еще через час они сидели в парке за длинным, деревянным столом и молчали. Ольга Орлова сняла платок и стала казаться младше, не такой замученной. Владимир смотрел в свой смартфон, периодически тыкая

в кнопки и, видимо, кому-то отвечая в чатах. На Али он поглядывал оценивающе, определяя на глазок стоимость кепки, куртки. Да, еще штаны и дорогие кроссовки:

- Неплохой у тебя прикид...Кто купил?

- Володя, ну зачем ты спрашиваешь, - запричитала Ольга. – Понятно кто...Малик, видимо.

Она извиняющимся тоном тут же добавила:

- Маму твою не помню, как зовут.

- Шарлота де Боте.

Али сделал ударение, как надо, на букву «е».

- Ах, да, точно: Малик Демало и Шарлота де Боте.

Орлова видимо не расслышала и сделала ударение на букву «о», протянув Боооте.

- А как ты...? - она хотела продолжить.

- Да, как ты нас нашел? – перебил ее черный Володя. - И вообще, откуда взялся ты - такой похожий?

- Да, Алеша, расскажи! – Ольга Семеновна назвала его по своему, имя его прозвучало странно, такого варианта от Алексея черный Али не знал.

- Да вот, все просто!- он вынул из кармана своих белых брюк смартфон, собираясь показать социальную сеть, через которую он их нашел.

- Ух, ты...Последний, - завистливо протянул Володя, разглядывая смартфон брата-близнеца.– Дай позырить!

Али-Алексей пожал плечами, протянул ему свой мобильный телефон, предварительно проведя по экрану и открыв общее фото Орловых: матери и сына.

- Крутой у тебя телефон! - восхищению Володи не было предела, но он наткнулся на свою социальную в чужом смартфоне, потом переключил на более скромную, с небольшим количеством подписчиков, сеть Ольги Орловой.

Лицо его посуровело:

- А откуда знаешь русский хорошо? Ты что - шпион? Где скрывался столько лет? И главное: почему ты так похож на меня?

Али взглянул на Орлову, та засуетилась:

- Понимаешь, Володенька! Я тебе никогда не рассказывала, но вас у меня родилось двое...И я...

- А зачем ты этого чувака, - Володя все еще рассматривал «крутой» смартфон брата-близнеца, кивнул на него. - Отдала какой-то Шарлоте и почему врала про отца?

- Я просто... - Ольга начала заикаться.

- А ты тоже Маликович? – Али с интересом рассматривал своего двойника. - И в чем вранье?

- Да она, - Володя кивнул на свою несчастную мать. - Врала, что мой отец, этот Малик Демало, летчик из ЮАР, погиб сразу после моего рождения, якобы в авиа катастрофе. Уверяла, что случайно. Говорила, что пострадала из-за их короткого романа.

- Он - дипломат, не летчик, и он жив....

- Дело в том, что я очень нуждалась, когда была студенткой, у меня родители умерли, они меня содержали! А тут эта клиника с предложениями! Узнала про суррогатное материнство, записалась в очередь. Ну, потом мне предложил хорошую цену, если я выношу черного

младенца. Так меня познакомили с этим Маликом Демало. Про жену он ничего не говорил...
– Ольга Орлова говорила быстро, боялась, что ее перебьют.

- Ах, вот как все было! – Володя смотрел на мать угрюмо. – Ты нас за деньги рожала? И что ты за мать?!

Ольга вскочила:

- Врач не сразу сказал мне, что у меня близнецы, а когда я узнала, предложил сделку, если я совру, - Ольга увидела, как помрачнели лица ее детей, добавила. - И потом, я не представляла, что привяжусь к вам, когда вы родитесь!

- Врешь, мам! Ты же его отдала этому Демало! – Володя кивнул на Алексея, смартфон брата он положил, смотрел вперед себя, говорил монотонно, явно сдерживаясь. - Че меня не отдала? Я бы сейчас тоже был весь в белом,

с крутым телефоном и дорогим прикидом.

Владимир вскочил:

- Жил бы, как он в ЮАР, припеваючи, не страдал бы, что я черный и изгой, не такой, как все.

Орлова расплакалась:

- Я...Я...Хотела...

Она тоже вскочила из-за стола, отбежала к дереву, закрыла лицо руками, плечи ее вздрагивали.

- Держи, - черный Володя играл желваками, отдал смартфон Али прямо в руки. – Зря ты приехал, только душу растравил...

- Ты знаешь, я пошел в колледж филологии с русским языком из-за отца. Он хотел, чтобы я его изучал, признался, что хотел вернуться. Может быть и тебя хотел найти, забрать?

- Врешь, - Володя сплюнул зло на землю.

- Я, когда нашел свое настоящее свидетельство о рождении, был потрясен, как и ты сейчас. Нашел у бабушки. Она мне и рассказала, что скрыл от меня мой отец.

- И что он скрыл?

- Это дама, - он сделал паузу, махнув на рыдающую Ольгу. – Наша мама, она договорилась с врачом клиники по суррогатному материнству о том, чтобы он скрыл ее беременность с двойным плодом. Бабушка Симона мне сказала, что за деньги, которые она ему пообещала за то, чтобы после рождения они вдвоем выставят двойной счет Малику Демало, моему усыновителю. Дипломат отказался, Орлова зарегистрировала близнецов: Алексея и Владимира, на свое имя.

Он посмотрел на спину Ольгу Орловой, содрогающуюся в рыданиях, заговорил громче:

- Так было дело?

Она обернулась, ее заплаканное лицо было несчастным:

- Нет, я не хотела вас вообще отдавать! И что вы оба знаете о любви матери?! О той невидимой нити между младенцем и той, которая носила его под сердцем?! А о двойной нити с этими черноглазыми, шоколадными, смешными комочками с настоящими пальчиками на руках и ногах?!

- Вы нас полюбили сразу? Это правда? - спросил Али, с надеждой вглядываясь в свою биологическую мать. – И отказались не из-за цвета кожи?

- При чем тут цвет, если я взяла к себе Володю? – она смотрела на Али удивленно. - Твой отец пригрозил врачу обратиться в суд, и тот, побоявшись потерять престижную работу, просто умолял меня на коленях отдать тебя. Потом приехал Малик Демало, рассказал, наконец-то, про свою жену,

с которой он не мог родить ребенка, про то, что она девять месяцев ходит

с подушкой вместо живота, объяснил, что им надо возвращаться в ЮАР. И просил сохранить все в тайне – иначе конец его дипломатической карьере. Говорили, что это - огромная тень на его биографию...

При слове «тень» Орлова махнула на Али-Алексея, да и на Володю махнула, и Али вдруг подумал: « Как бы Володю звали в ЮАР, если бы он уехал с его отцом? Вольдемар? Вилли?»

- Можно я буду звать тебя Вилли? – обратился он к нему. – Я всегда мечтал иметь брата, мы бы играли вместе, делали бы уроки, ходили в колледж.

- Русский изучать? Да я его здесь ненавижу, и почему я – русский?! Это черная несправедливость! – возопил чернокожий Владимир.

Али улыбнулся каламбуру. Решение пришло само собой. Вообще, ему почему-то вспомнился роман Марка Твена «Принц и нищий», он совсем недавно его прочел на языке оригинала.

- Знаешь, что ,Вилли, давай поменяемся судьбой! Ты станешь Али Демало и поедешь в Кейптаун к моим приемным родителям!

Владимир смотрел на него ошалело:

- Ты серьезно? Да меня рассекретят сразу! Я же языка не знаю, и что я буду? По-русски с ними говорить?

- Ну, ты хоть чуть-чуть английский знаешь?

- Ну, учил в школе, - Владимир смотрел на Али исподлобья, играл желваками. – А акцент куда деть?

- Говори односложно, заяви, что русский язык тебе, как родной, говори на нем. Ладно, давай меняться!

Али быстро вынул кошелек из брючного кармана, положил его на стол, скинул белую куртку, снял бейсболку, начал стаскивать штаны.

- Не нравится мне все это, - угрюмо гнул свою линию Володя. – А что я твоим «родакам» скажу?

Он тоже начал снимать свою фирменную одежду, которую так и не успел поменять.

- Я им письмо напишу, месяца через два, все объясню, - Али - Алексей уже накинул на себя рубашку с названием кафе в Полушкино.

Он покосился на Ольгу Семеновну, стоявшую столбом у дерева с открытым ртом, прибавил:

- Денег попрошу... Может наши семьи подружатся.

- Представляю, как удивиться училка английского, если я, то есть ты, блеснешь знаниями на уроке. А вот на русском языке? Тебя не завалят? У меня все же уверенное три.

- Не волнуйся, я - лучший в колледже Кейптауна. И это единственная школа, где учат русскому языку.

Орлова переводила взгляд с одного на другого, даже она, мать этих двоих чернокожих парня, не смогла бы вычислить, где Володя, а где Алексей. Ребята посмотрели друг на друга и расхохотались.

- Так, держи билет! Карточку гражданина ЮАР на имя Али Малик Демало. И не опоздай на самолет. Группа улетает сегодня в 18-30, из Шереметьево.

Али – Алексей привычно взял в руки свой крутой смартфон, посмотрел на время, нашел в интернете расписание электричек в Москву из Полушкино:

- Тебе только – только успеть в отель. Группа наша в Метрополе, вот ключ от моего номера, чемодан надо будет собрать. Я уехал сюда и все разбросал.

- Меняемся телефонами? – Владимир в белой одежде Али смотрелся нарядно, он протянул свой скромный, чуть потёртый по бокам мобильный телефон. – И да, мой пароль: 2012, год нашего рождения... Не забудешь?

-Нет, - Алексей-Али улыбнулся. - Пароль моего смартфона, ты не поверишь, тоже - 2012. Вот так бывает, что мы незнакомы, а мыслим одинаково. Удачи тебе!

- Ладно, мам, фоточку на память втроем, - протянул Володя. - И не плачь, прошу! Я уеду ненадолго.

Орлова действительно опять сильно захлюпала носом. Владимир тем временем уже ловил ща руку случайного прохожего:

- Сфотографируйте нас, пожалуйста!

Прохожий, мужчина в спортивном костюме с лампасами, смотрел на троицу изумленно: два высоких чернокожих парня по бокам хрупкой, русоволосой женщиной смотрелись экзотично. Он выстроил кадр сначала на смартфоне Али, потом Володином мобильном, меняя положение с вертикального на горизонтальный, шелкнул, отдал их:

- Посмотрите, вдруг не так?

Алексей-Али глянул в смартфон Володи, фото и вправду было экзотичным: два негроидного типа молодых человека окружили белокожую женщину.

- Спасибо, отлично!

Прохожий пошел дальше, а Алексей-Али обнял брата-близнеца:

- Беги на электричку, сверчок!

Володя оттолкнул его:

- Почему сверчок?

- Потому что так зовут сверчка, живущего у мой бабушки Симоны в шкафу, я его с детства называю твоим именем!

- Вот как!

- Сыночка, мы тебя проводим, - заголосила Ольга.

- Да, пошли вместе к платформе, там мне и помашете, - Владимир с тоской смотрел на мать.

Он уже двинулся идти, но мать засуетилась, дергая Али за рукав, а может быть уже Алексея:

- Пошли проводим его! Я иногда домой пешком хожу, здесь близко, если через пути перейти, а потом в лес и напрямки к нам в Чапаевку, где-то час ходьбы.

- А форму эту сдавать не надо? – удивился Али, показывая на фирменную черную рубашку, брошенную на столе, лежащие рядом штаны, судя по всему принадлежали Володе.

Он оглядел и Ольгу, на ней был фирменный фартук кафешки, в руках она крутила черный платок с их лейблом.

- Да нет! Я когда спрашивалась, сказала, что мы идем домой – гость приехал! Завтра все равно на работу к восьми утра!

- К восьми? – брови Али пошли вверх.

– Да, брат, и так каждый день! Работаем с восьми утра до десяти вечера, каждый день, один выходной в неделю! Готовься, Леша! Это тебе не в Кейптауне жить с папой - дипломатом и мамой- светской львицей, - запугивал его Володя.

Он уже освоился в новой белой одежде, с дорогим смартфоном, периодически выкладывал его на ладонь, любуясь. Али чувствовал себя неуютно в простенькой одежде брата, он пожал плечами:

- Не совсем она светская львица, но не работает, это – правда.

Они спешили к платформе Полушкино, потому как до отхода нужной электрички до Москвы, оставалось минут десять.

-А билет успеешь купить? – спросил Алексей-Али, он постепенно вживался

в свой новый образ: русского паренька из пригорода Москвы с черной кожей. Косые взгляды прохожих на их необычную троицу он ловил всю дорогу.

- Да, нет, у меня проездной на месяц, купил, потому что матери помогал в Доме отдыха. Вообще, 14-летним работать запрещено в кафе в обслуге, но я неофициально...

- Проездной?- Али смаквал во рту новое, русское слово. – Проооездооой...А! Догадался, это - билет на несколько поездок? У нас

в метро и на автобусах Кейптауна тоже такое есть. Я не знал, что они тут есть и ехал (выдерживая паузу) зайцем. Так мне кричал контролер, пока я бежал от него по вагонам. При чем черным зайцем!

- Русские законы лучше не нарушать, - Владимир запыхался, дышал быстро, они шли довольно скоро.

- Законы ЮАР тоже.

Они уже приблизились к платформе, к которой все с тем же тревожным свистом, предвещающим чью-то близкую смерть, подходила электричка

с табличкой «Москва» на лобовом стекле. Пришло время прощаться.

У Ольги Орловой будто тень прошла по лицу:

- Сынок, родной....Не забывай меня и помни: мать у каждого одна. Пока я не умерла, буду тебе ангелом-хранителем, и ты всегда можешь вернуться.

Последние слова она прошептала, уткнувшись в плечо сына. Орлова поглядывала на Али, видно было, что она не смирилась с исчезновением из своей жизни брата-близнеца ее Володи.

Али вдруг почувствовал натяжение какой-то ниточки между ними. И говорят же про родственную связь, он физически почувствовал ее. Двери подъехавшего поезда с шумом открылись, электрический голос внутри прокурлыкал:

- Осторожно, двери закрываются. Следующая станция – платформа Чапаевская, поезд следует до Москвы.

Когда из громкоговорителя прозвучали последние слова черный Володя

в белой куртке, штанах и кепке Али, взлетел по лестнице вверх, успевая заскочить внутрь вагона.

- ПИН-код всех карт: 2012, такой же, как на телефоне, - крикнул ему Плексей-Али.

Последнюю фразу Володя почти не услышал, но по губам Али, котоыре видел за стеклом, все понял. Он махнул рыдающей матери и брату-близнецу через прямоугольное окошко автоматической двери.

- Ольга, успокойтесь, он уехал ненадолго, месяца на два-три, пока его не рассекретили. Я им напишу, - утешал он Орлову.

Она вытерла слезы рукой, махнула на подростка:

- Пошли...

Она чуть успокоилась и лишь размазанная тушь выдавала ее недавнюю истерику. Они с Али перешли железнодорожное полотно, когда загудели красные светофоры на переезде, а из будки показался дежурный в серой форме и шапке, такой же как у дежурной, которую Али встретил на платформе в Чапаевке, по дороге в Полушкино. Приближался поезд из Москвы, и автомобили, недавно подъехавшие к станции, недовольно загудели. Орлова и ее новоиспеченный сын ускорили переход через рельсы, когда внезапный скрежет уехавшей с Владимиром электрички, отвлек их. Электричка будто застонала, остановившись.

- Стоп-кран, что ли дернули? – предположила Ольга Орлова.

Двери остановившегося в неположенном месте поезда с шумом открылись, из последнего вагона выпрыгнула белая фигура в белой кепке. С первых же минут стало понятно, что это брат-близнец дернул стоп-кран. Али не понимал, почему тот решил вернуться?

- Володенька! – крикнула мать.

Увидев бегущего к ним брата, Алексей -Али бросился к нему на встречу. Он бежал, перескакивая шпалы, а сзади уже встречная электричка дышала ему

в спину. Видимо, машинист не заметил «зайцев» на железнодорожном пути.

- Уходи! Уползай! Прочь с путей! – кричал Володя, бегущий к брату навстречу, но не сходил со шпал, перепрыгивая их.

Орлова охнула, зажала рот рукой, еще минута и электричка раздавила бы ее сыновей, но машинист увидел подростков, загудел громко, начал тормозить. Однако состав неслось на Алексея-Али и Володю неумолимо. За долю секунды парень в белой куртке достиг брата, с силой толкнул его через рельсы. Чернокожие ребята полетели в канаву вдоль путей, сцепившись в замок. Электричка свистнула недовольно и продолжила движение. Ольга Орлова всматривалась в лежащих ребят. Они не двигались. Живы или нет? Когда ребята зашевелились, она села на тропинку без сил. Ее последняя любовь, ее мальчики, чернокожие красавчики остались с ней.

- Простите, что разлучила, - прошептала она.

Через недели две, безутешном Малику Демало, потерявшему в России сына, пришло сообщение на телефон. Он удивленно открыл MMS, и на фото увидел троих: Ольгу Орлову, суррогатную мать, нанятую им 14 лет назад, и двух чернокожих подростков с двух сторон. Подпись гласила: «Привет, я жив и нашел своего брата!»